

A composite image featuring a soldier's face in the foreground and a train in the background. The soldier is wearing a helmet with a star and has a serious expression. The train is a passenger train with several cars, and the scene is set in a mountainous, hazy environment. The overall tone is dramatic and historical.

Юрьев Ю.Ю

**Поезд на
Риддер**

Ю. Ю. Юрьев

Поезд на Риддер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26107539

ISBN 9785448569685

Аннотация

Мистика, как область бытия, не для слабых духом. К тому же, туда запрещено входить с нашей дурацкой страстью всюду искать истину. Темная сторона. Прольем свет лишь на один её аспект: если вам явился ваш умерший дедушка, не ищите в этом каких-то скрытых аллегорий. Всё просто, он пришел не к тебе – он пришел за тобой.

Содержание

Поезд на Риддер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Поезд на Риддер

Ю. Ю. Юрьев

© Ю. Ю. Юрьев, 2017

ISBN 978-5-4485-6968-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поезд на Риддер

*Анастасии Рахмановой —
лучшему, что есть*

Любое значительное событие никогда не произойдет спонтанно, обязательно будут какие-то оповещающие о нём эпизоды. Другими словами, оно сначала просигналиит о себе, а затем уже грянет.

Кеншин ничего не думал на этот счет, он смотрел через окно в затопленный утренним заревом мир. Он не думал, почему такой странный свет и такое свинцовое давление тишины на город. И почему ни одного прохожего? И, стало быть, мысль, что это событию созданы все надлежащие условия и оно вот-вот совершится – просто не шла ему в голову.

А между тем всё так и случилось: сначала где-то завyla собака, потом дрогнули деревья. Казалось, ветер не ворвался в город – он в нем и возник. Возник и затравленно заметался, стремясь вырваться в поля. Бросался на стены, наседали на двери парадных – искал выход, но не находил. От злобы бессилия поднимал сор, какой только мог поднять с земли, стал мотать его по двору, швырять в подвальные продухи, в дренажные колодцы, в трубы водостоков.

Был ли какой-то резон наблюдать это буйство природы, но произошло нечто, сопоставимое с появлением тени от-

да Гамлета. Потрясенный Кеншин не двигался – с обратной стороны окна вдруг возникло изображение, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Это был фотопортрет, бог весть откуда принес его ветер, прижал лицевой стороной к стеклу, подержал перед глазами – и убрал.

Кеншин, не дыша, смотрел туда, куда упорхнул снимок. Потом попятился с ладонями, протянутыми вперед, налетел на кресло, которое мягко толкнуло под колени, и он в него плюхнулся.

Что это – наваждение, чертовщина? Хорошо бы, чтоб ни то и ни другое, а так... померещилось. Ведь бывает же нечто, вызванное всего лишь психической усталостью, беды от чего не больше, чем от перебежавшей дорогу чёрной кошки. Только спустя время Кеншин собрался с духом и вышел из квартиры.

Он нашел его в палисаднике – снимок застрял в дикой розе, промеж двух прикорневых побегов.

Фото было напечатано на обыкновенной бумаге «коника», обрезанное до размеров восемь на семь с половиной сантиметров. Вполне стандартный портрет.

Из центра карточки пронзительно смотрела девушка восточного типа, но явно со славянской подмесью. Красивая? Если полагать, что молодость – уже красота, то, пожалуй, да. Волосы, разделенные четким пробором, не доставали плеч. Высокий лоб через просвет бровей плавно впадал в тонкую переносицу. Обнаженные улыбкой, белели несколько

скошенные вперед зубы. Глаза не отражали свет и имели серо-зеленый оттенок. Широкие, резких очертаний зрачки держали внимание на себе – из их глубины исходила надменная безжалостность. Безжалостность в предвкушении мести.

Означенное событие произошло в середине апреля. Уже который день Кеншин бездельничал. Просыпался ни свет ни заря, заваривал себе кофе и снова забирался под одеяло. До полудня не отрывался от телевизора. Изредка делал вылазки в супермаркет, где покупал в большом количестве продукты. Их он поглощал всухомятку, а когда запивая легким полусладким вином. Вечером иногда садился за карты.

Он плохо спал, часто видел страшные сны. Паскаль, кажется, сказал, что если б сны шли в последовательности, то мы не знали бы, что – сон, а что – действительность. Но те шли, как перетасованные эпизоды жизни, чужой, кошмарной, отравленной нереальным злом. По сути, то была попытка сновидениями, и заканчивалась она только с первыми лучами солнца.

Кеншин знал множество вариантов покера: «Плевков в океан», «Слепой», «Крест-накрест», «Мясник» и «Дробовик». Но играя с самим собой, он просто отсчитывал из колоды пять карт и путем их смены добивался той или иной комбинации. Например, имея на руках неполный флеш-рояль, сносил одну или две, ничего не обещающих, и столь же брал из колоды, надеясь на их попадание в последовательность мастей и достоинств.

Как-то при свече – на улице уже смеркалось, в который раз он сдал себе карты, пришло три вальта, семерка и король, само собой, последние две полетели в снос. Затем положил пальцы на колоду и закрыл глаза. Каким-то сакральным зрением он старался определить верхнюю карту. В конце концов, распознав её как пустую, убрал в сторону, туда же последовала лежащая под ней. Следующая, как ни странно, вызвала видение мчащего в ночи поезда. Сквозь закрытые веки увиделся лесной полустанок и проносящаяся мимо него вереница пассажирских вагонов. Один за другим, взых-взых, взых-взых. И только на какой-то миг произошел сбой: вот стремительный их промельк, как вдруг раз – и очередной вагон грузно, будто ледокол, начал выплывать из темноты. И тащился он так лишь затем, чтобы дать прочесть свой порядковый номер: «11» – пылало в первом окне от тамбура.

Кеншин открыл глаза и перевернул карту – со сдавленным криком бросил её на пол. Позже, с ногами забравшись на диван, он смотрел на неё из другой комнаты. Это был уже не первый случай. Однажды, листая каталог живописи, на странице с репродукцией «Венера и Адонис» он отвлекся – из прихожей послышался шорох, когда же вновь посмотрел на картину, то увидел в женском облике другие черты. Мираж держался недолго, постепенно истаял и исчез.

Химера явилась с того самого, найденного в палисаднике фотоснимка. И Кеншин навсегда запер его в ящике стола, полагая, что если не хранить на виду, то навязчивый образ

сотрется из памяти – и с галлюцинациями будет покончено. Как бы не так. В другой раз он проступил прямо в воздухе – прозрачная человеческая голова с плавающим внутри призрачным светом минуту стояла на уровне люстры. И вот теперь опять... уже на игральной карте.

* * * *

Если взглядеться, мастерская художника сама по себе является каким-то броским абстрактным произведением. Чаще всего оно создается так: вначале помещение заполняется необходимыми художнику вещами. Потом со временем к ним примешиваются другие, слабо относящиеся к живописи – просто лень выбросить и приходится верить, что они формируют благоприятную для творчества атмосферу.

Как бы то ни было, Кеншин откровенно считал, что процесс созидания сам образует обстановку и бессилён мастер что-то в ней изменить. Озирая этюды, на которые иссякли вдохновение или спрос, выжатые свинцовые тубики из-под красок он испытывал фатальную безысходность.

Зазвонил телефон. Кеншин снял трубку.

– Здравствуй. Да, помню, только я ждал тебя во вторник... Сейчас?... Вполне. Я как раз не занят, – из трубки пошли гудки.

Огромное, до пола прозрачное полотно изображало композицию – истекающий закатным заревом город, пронзен-

ный стрелой телебашни. Чуть выше верхнего уровня рамы, над девятиэтажной глубиной плавал коршун.

Подъем с кресла отозвался резкой болью в пояснице. Стул, начинающий лысеть Кеншин раздвинул на стеллаже свесившиеся наружу языки холстов, нашел планшет. Заряженный в него портрет требовал доработки в контурах. Он поправил овал подбородка, затем подумал над источником света... и, вообразив его над своим левым плечом, решительно скосил тень от верхней точки переносицы к углу рта. Уголь приятно шуршал по ватману.

Помнится, одна дамочка, застав его за работой, поинтересовалась, зачем столь изящные черты природы переносить на бумагу жирными, противными линиями, что оставляет за собой уголь. Кеншин тогда не знал, как ответить, да и сейчас бы не смог, ему всегда было проще по памяти написать Демона, чем описать технику рисунка.

Он закончил последние штрихи, когда в дверь постучали. Мужчина лет сорока, костлявый, с длинными руками размашисто, как на ходулях вступил в мастерскую, на ходу подхватил отложенный портрет.

– Эх, люди-люди, человеки, – изрек он, его рассматривая. – Персонажи жизни – не больше. Гляжу, и сердце щемит – какая бессюжетная суэта при такой массе действующих лиц. Кто это, твоя знакомая?

– С чего ты взял? – Кеншин сел на прежнее место, закрыл ладонью глаза, но сквозь пальцы заметил, что гость украдкой

сличил его с портретом.

– Верно, больно молода, чтобы быть твоей знакомой. Она могла бы быть... Вот так случай. Скажи, у тебя и вправду нет детей?

– Гай, ты же знаешь, я никогда не состоял в браке.

– Но с женщинами ведь путался. В вашей богемии вообще черт знает как всё напутано. Из-за какой-то ты стрелялся даже... погоди, или это не ты стрелялся?..

– Избавьте. И насчет связей. В них я всегда был аккуратен, так что отпрысков у меня точно нет. Здесь не генетикой, – Кеншин отобрал портрет и потыкал в него пальцем, – тут мистикой пахнет.

Гай развел руками.

– Мистика – предмет темный. Знаешь, душа моя, есть дело интереснее, мне не дает покоя та подмена копии «Крещение Иисуса». Надо бы её обсудить.

– Обсудим, конечно. Дай только немного времени, а то и поделиться-то не с кем. Всех друзей пережил, один ты остался. Издергался я совершенно, того гляди снотворное начну горстями лопать. Ты хочешь знать кто это? Так вот, я боюсь догадаться – кто это! Сначала о портрете, а потом расскажу о другом. И первое, и второе безумно, но надеюсь, между ними нет ничего общего.

Шли, семь человек, расстрельная команда. Возвращались с соседней улицы, где управились с пятидесятью недовольным, стволы винтовок ещё не остыли. Пристроили с мешками на головах к стене и издырявили. Валяются там оскаленные. Теперь-то уж точно довольные, чтоб им в крыс переродиться.

В спину легонько толкнул приклад.

– Хигаши, ты слышал, – это был топающий сзади Кимура, – американцы высадили на Лоусон тридцать тысяч. Вот возьмут и долбанут по нам с севера.

Новость, мягко говоря, не радовала. Если действительно двинут это полчище на Манилу, станет совсем хреново.

Хигаши молча перебросил пулемет с плеча на плечо.

– А продовольствие за город вывозят. Чего ради его вывезти, – продолжать ныть Кимура, – хоть напоследок пожрать по-человечески. Кого они там кормить собираются, не пойму.

– Эй! Кимура! – рявкнул другой голос. – Собачья шкура! Откуда ты родом?! От... вечать!

– Из Нагасаки.

– Так и думал! Огнем спалить этот город! Что ты будешь делать, что ни нюня, то обязательно из Нагасаки! Тебе не все равно, сытым или голодным подыхать?!

У здания генерального штаба разошлись по подразделениям. И только Хигаши присел возле заколоченного досками бакалейного магазина.

Вскоре из штаба вышла толпа старших офицеров. Все были до крайности раздражены. С утра шло совещание у главнокомандующего Ямасита. Уж от кого от кого, а от него никак не ожидали: подумать только, зачитал приказ, оставить Манилу, вывести армию за город и разгромить врага там. Ну, предположим, что не так и глупо, все-таки возможность маневра на открытой местности, только дело-то в другом, а именно в подоплеке – не допустить уличных боев, которые определенно превратят город в руины. Подумать только, главнокомандующий озаботился сохранением в целостности «уникальной по красоте, – дословная цитата генерала, – жемчужины Юго-Восточной Азии». Да кто, в конце концов, командует гарнизоном, военный или кто?!..

Из-за угла почти выбежал лейтенант морской пехоты, он двигался прямо к бакалейному магазину.

– Рядовой, встать! – скомандовал он Хигаши. – Как твоя фамилия?! Как? Громче надо говорить. Поступаешь в моё распоряжение. Иди за мной!

Было всё равно, в чье распоряжение поступать. Вдвоем они попылили в направлении дворца Малаканьян. В каком-то проулке под кирпичной стеной лежали тела казненных, по-видимому, уже не первый день. Изуродованные пытками они окоченели в тех позах, в какие скорчила их предсмертная агония, некоторые были туго обмотаны колючей проволокой. Над мертвецом с самым страшным лицом Хи-гаши раззявил пасть и перекосил физию подобным же образом. Оставшись довольным своей искусностью, поспешил дальше.

На дворцовой площади стояли танки, суетились люди. К танкам стальными тросами по одной или по две цепляли груженные вагонетки. Спешно эвакуировали ремонтную базу. Лейтенант растворился в толпе, а через какое-то время

появился и поманил к себе.

– Будем сопровождать важный груз, – объявил он, подводя Хигаши к одной из бронемашин, – приказываю, рядовой, взять под охрану.

По виду важный груз ничего важного из себя не представлял – саркофаг на колесах, да и только, на два замка закрытый сверху пузатой крышкой.

Наконец, дали команду выступать. Танки взревели и начали покидать площадь, по ходу перестраиваясь в колонну.

Выехали за город и загромыхали по дороге, проложенной через непролазный лес. Их бронемашина оказалась замыкающей. Хигаши торчал по грудь из башни и держал наготове пулемет – по данным разведки в джунглях скрывались партизаны.

Еще раньше, ещё за неделю до сегодняшнего совещания у Ямасита, командование приняло решение возвести к югу от Манилы оборонительные укрепления. Конечно, никто не собирался сдавать столицу, у гарнизона хватало сил держать её, столько, сколько нужно. Только, уж если случится... в общем, если такое случится, то пусть для отступающей армии будут заранее готовы траншеи и ДОТы.

Одолев милю ухабистой дороги, вырвались в поле. Ныне оно утратило своё сельскохозяйственное назначение, но ещё два года назад здесь выращивали батат. Ныне там и тут тянулись брустверы уже законченных окопов.

Колонна устремилась к оборонительным объектам.

И лишь последний танк неожиданно повел себя не как все. Приотстал, завернул башню пушкой назад и бросился в противоположном направлении. Вломившись в джунгли, пошёл через них, будто разъяренный слон. Хигаши почувствовал неладное – его явно втянули в какую-то пакостную историю. Он опустился вниз, в темноту. Нашупал плечи лейтенанта и потянул его на себя. Но сказать ничего не успел: удар в живот по ощущениям чем-то железным, запер дыхание, затем в голове лязгнуло и возник звон, высокий звон – в вязкой, непроглядной пустоте.

Тьма заколыхалась.

– Рядовой. Рядовой, – голос пытался пробиться к сознанию, – Рядовой!

От боли в затылке Хигаши замычал, невидимые руки трясли его за уши.

– Ожил, идиот? Вот и хорошо. Вылезай, приехали.

Тело после удара плохо слушалось, кое-как выкарабкавшись наружу, он скатился по броне на землю. Увидел механика, тот стоял спереди танка спиной к нему и курил, глядя на заросшую папоротником прогалину.

К горлу подкатил кислый комок. Хигаши отошел в сторону и согнулся пополам. Он стоял, а из него раз за разом выхлестывала вонючая, маслянистая жижа. Намного полегчало. Вытер рукавом рот – и содрогнулся: механик лежал животом на земле и смотрел прямо на него, голова покоилась в луже крови, шея спереди была перерезана.

Появился лейтенант, вытирающий комком листьев лезвие ножа.

– Спросишь, за что? А за так. Мокрицу за что давят? Ни за что! Только за то, что она мокрица. Но мы-то с тобой, рядовой, из другой глины слеплены, верно? – сказав это, он вынул из кобуры пистолет. Подошел к транспортируемой ими вагонетке и выстрелами разнес вдребезги сначала один, потом второй замок. Налег на крышку и перевалил её.

От добра, заключенного внутри потекло в глазах: груды драгоценностей, алмазы, изумруды, рубины, сапфиры, аметисты едва не пересыпались через борт. То были просто камни и изделия из них, браслеты, кольца, колье. Сияющая аура висела над всем этим немислимым состоянием. Сокровищница имела два отделения, так вот, во втором лежали слитки золота брусок к бруску до самого верха.

– ...Это тебе не корзину яблок со склада стырить, – говорил между тем лейтенант, – за хищение императорской собственности знаешь, нам что полагается...

– Какого ещё хищения?

– Высшая мера!.. Чего уставился? Эти бирюльки отняты у здешних богатеев и, как собственность Хирохито, подлежали отправке в Японию. Понял?

История и впрямь оказалось пакостной, хуже не придумаешь.

– Я-то тут при чем, – попробовал ретироваться Хигаши. – Вот возьму и доложу, куда следует.

– Как ты сказал?! Доложу-у-у! – лейтенант схватил его за ремень. – Тогда запомни, я Харуки Накадзима! Командир взвода шестой роты 361-го полка! Давай поспешай, только учти, что на допросе я обскажу всё иначе! Никуда не денешься, вдвоем в петле улыбаться будем!

Они стояли друг против друга и боролись взглядами.

– Тоже мне, испугал, так и эдак околевать, не в петле, так американец пулю в лоб всадит. Ты что же, взводный, выжить надеешься! Да,пусти ты! – Хигаши высвободился. – Ну, куда мы всё это барахло... по карманам распихаем?!

– Заткнись! Не ори! Закопаем здесь и точка.

Накадзима принес две лопаты, поплевал на ладони и, пытаясь, начал выворачивать жирные куски земли.

Вырыли яму. Лейтенант занял место механика и завел танк. Задним ходом аккуратно толкнул вагонетку раз, другой, на третий она четко, как шар в лузу, канула в глубину. Затем, передернувшись всем телом, прямо через труп с перерезанным горлом танк рванул вперед и исчез в джунглях. Где-то за прогалиной рев мотора смолк. Обратного Никадзима вернулся бегом.

Быстро сровняв захоронение с землей, они закончили дело.

Дальше сидели под деревом. Лейтенант с развернутой на коленях топографической картой делал какие-то расчеты.

– Погибать нам теперь нельзя, – говорил он, слюнявя химический карандаш, – иначе всё наше богатство червям

на расходы пойдет. Разве не обидно? А кончится война – как короли заживем.

Он поднялся и достал из полевой сумки фляжку.

– Место я точно отметил, так что потом не заплутаем. Давай, рядовой, выпьем за нашу удачу. Настоящая малайская водка.

Хигаши не нужно было уговаривать. За удачу? Сделайте одолжение, да хоть за эту трухлявую корягу.

Далеко запрокинув голову, он сделал первый глоток, – между тем его свободная рука неуловимо скользнула в карман и обжала пистолетную рукоятку. Грянул выстрел. Он почувствовал, как дрогнула земля от рухнувшего рядом тела, но продолжал пить, покуда последнюю каплю не перелил из фляжки в желудок.

Никадзима лежал в папоротнике с простреленной грудью, в раскрытой ладони блестел нож. На какую-то долю секунды не успел лейтенант по самую рукоять вонзить его в кадык своего компаньона.

Хигаши склонился над ним.

– Эх, вор ты латаный. На, получай назад свою отмычку, – с этими словами сунул в его пустую кобуру восьмимиллиметровый «намбу». Затем обшарил мертвеца и забрал себе карту.

Надо было выбираться. К счастью, прикатив сюда, танк оставил хорошую просеку. По ней Хигаши и отправился. От водки душа словно купалась в апельсиновом соке. Захо-

телось петь, и он запел. И было плевать, что где-то тут рыщут партизаны.

А назавтра 14-ый армейский корпус США при поддержке двух авиационных групп шарахнул по столице.

Уж очень затейливо описали хроникёры ту филиппинскую операцию: «с того дня открылся хороший обзор времени, когда в прошлом империя ещё виделась полной ликования от взятого курса на процветание за счет порабощенных ею народов. Между тем, в противоположном направлении она проглядывала уже совсем иной: униженной, побежденной, не имеющей средств наладить подорванную войной экономику».

Да, поражение следовало за поражением. Потеря Японией почти всего флота к 1945-му сделала невозможным переброску войск в зоны боевых действий. Ввиду этого одну за другой она сдавала континентальные и островные территории, так легко захваченные вначале. И вот девятого марта вышеуказанного года повисла на волоске Манила.

Имея перевес в живой силе и вооружении, за месяц американцы прижали гарнизон к окраинам города. За то время из двадцати тысяч оборонявших столицу осталась только четверть. Но, как бы то ни было, гарнизон не думал сдаваться. Одной группе удалось пробиться из Манилы, и она с боем двинулась к морю. Другая, численностью около двух тысяч, заняла старую крепость Коррехидор, располагающуюся у входа в манийский залив.

В патриотической горячке западные газеты писали о том, как «американские солдаты самоотверженно штурмуют последний оплот неприятеля, а узкоглазые из-за стен Коррехтдора низко огрызаются в ответ». Оно и понятно, никто не станет воспитывать своих граждан на примерах вражеского героизма. На деле же эта ничем не объяснимая стойкость японцев уже действовала на нервы, и через три дня крепость была взорвана, никто из её защитников не уцелел.

Хигаши оказался в первой группе. Словно сквозь бред они шли джунглями, без воды и продовольствия, а по пятам, преследуя их, надвигались рейнджеры. Каждый знал: порты уже заняты и надеяться не на что. И они просто шли, злые до невозможности. Болтаться в оккупированной зоне, в этом оазисе войны страшно расслабляет. У них было всего вдоволь: выпивка, бесплатная девочка в борделе раз в неделю. А теперь что – который день джунгли, голод и постоянный сырой смрад.

Хигаши скрипел зубами: джунгли-джунгли-джунгли, сбудется ли когда-нибудь увидеть рисовое поле, в утреннем тумане зеленое рисовое поле и поющего над ним жаворонка. За месяц боев он мало спал, ещё меньше ел, остальное время стрелял – спал, ел и стрелял. Он еле передвигал ноги.

И вот, ночью это было, сквозь мангровые заросли они зашли в болото. Командиры запретили зажигать огонь и курить – противник скрывался где-то рядом. Искать верную дорогу можно было только с рассветом.

Сидели молча, кто-то, возможно, молился, но не в голос, а в себе, внутри. Стояло абсолютное беззвучие – и вдруг адский ни с чем не сравнимый человеческий вопль, прерывистый, да такой, что мороз по коже. Тишина. И вновь похожий страшный надрыв голосовых связок. Все, лязгая затворами винтовок, вскочили. В этот момент крики стали раздаваться отовсюду. В непроглядной тьме началась давка, никто не знал, что происходит. Офицеры бросились наводить порядок и грозили прикончить каждого, кто откроет стрельбу. Было чувство, словно людей живьем бросали в бурлящий кипяток, по одному или по несколько сразу, леденящие душу крики не стихали. Командиры направо и налево лупили по физиям, только что с того, ни один подчиненный уже не владел собой. Раздался треск пулемета, затем началось вообще черт знает что.

Опомнились, когда увидели друг друга – вокруг стоял свет, что исходил от поднимающихся в небо осветительных ракет. Их обнаружили... Да, поди ты тут не обнаружь.

Вместе с тем, стало видно и другое. Взору предстала картина, к которой лишь христианское представление о преисподней ближе всего подойдет: берег болота кишел чудовищами – это были гребенчатые крокодилы, самые опасные в своем роде. Они задирали кверху чавкающие морды, рубили зубами парную плоть, переворачивая в пастях большие куски, роняли челюсти набок и снизу вместе с грязью собирали окровавленные остатки. А из гниющей каши вы-

ползали новые и новые твари и спешили к своей добыче, поверхность болота была такая, что казалось, они появлялись прямо из земли. Сырым мясом воняло, как на бойне.

И самые мужественные дрогнули: являться кому-то врагом – закаляет дух, но совершенно обратное действие на дух оказывает перспектива стать для кого-то едой.

Все чувствовали, что через заросли на них надвигается другая беда. Неправда, она уже была здесь, всего-то на расстоянии броска гранаты. Считанные минуты потребовалось американцам, чтобы плотными цепями пробраться к разместившемуся в топях лагерю.

Они ударили разом из всех стволов. Языки пламени, бьющие из винтовок, слились в общее сияние и осветили в манграх сотни невосточных лиц. Сразу выбило изрядно, императорские бойцы валялись без счета. Но все только начиналось. Прижатые к земле японцы отражали нападение с той и другой стороны. Прицельный огонь вести было невозможно – лупили наудачу.

Вряд ли этот бой на болоте как-то повлиял на ход войны, он не продлил её и не сократил. И не было в его задаче овладеть каким-то важным стратегическим объектом, всё просто – он завязался ради уничтожения враждебно думающей массы противника. Стычка длилась всю ночь. И только с рассветом рейнджеры взяли передышку.

Погружая дрожащие руки в грязь, оглушенные солдаты ползали на четвереньках. В красноватом тумане берег боло-

та весь... весь был залит кровью! Кровь до краев наполняла широкие впадины, в которых кочками торчали пехотные каски, барахтались мелкие гады. Кругом валялись страшные трупы пресмыкающихся и, конечно же, людей.

Подсчет личного состава выявил 365 погибших, пятерых нельзя было определить ни как живых, ни как мертвых – размазывая по лицам слюни, под заунывные звуки они постукивали себя пальцами по черепушкам. Их отвели в сторону и в два счета определили. И 133 бойца не нашли ни среди тех, ни среди этих, вовсе не нашли.

Кеншин разлил остатки чая по кружкам.

– Этот сон привиделся мне давно, но именно после него всё и подтвердилось. За то, что он отразил реальную жизнь отца, говорит случай, когда прошлым летом я летал на Филиппины и по той самой карте нашел то самое место. Сегодня там оздоровительный комплекс...

– Постой, – прервал его Гай, – откуда у тебя карта?

– Разве я не сказал? Получил от матери как раз на своё тридцатилетие.

– Интересно бы взглянуть.

– Как-нибудь потом. В загородном доме она вместе с его боевыми наградами... Дай-ка вспомнить, м-м-м, орден Золотого коршуна, потом медаль за участие в Великой восточ-

но-азиатской войне...

В мастерской, словно демон, из ниоткуда появился Сим, замер с лапой на весу, волком глядя на гостя, затем прошествовал к Кеншину и запрыгнул ему на колени.

– Чертова память... на чем я остановился?

– На оздоровительном комплексе.

– Ах, да, когда его строили, об этом мне поведали местные, экскаватор вывернул из земли вагонетку времен Второй мировой. И, заметь, не пустую. В общем, с того случая я уже не сомневался, что мои сновидения есть подлинные события его дней. Но как и почему они прокручиваются в моём спящем сознании?! Непонятно!

Понемногу из них я сложил биографию отца. Он прожил незавидную жизнь: тюрьма за вооруженный грабеж, потом война. Лишь раз я видел его счастливым, когда ему дали отпуск и они с моей матерью в Нагано, в городе опавших листьев. Очевидно, в это время я и был задуман. Но отец так меня и не увидел – погиб в сражении за Окинаву, незадолго до капитуляции Японии.

За окном уже стемнело. Гай с удовольствием потянулся в поясице.

– В пророчество сновидений ещё можно поверить. Но твои, мне кажется, связаны с этой личностью, – имелся в виду прежний, лежащий на столике портрет, – с темой визитеров. Если только считать твой рассудок больным.

Не донеся кружку до рта, Кеншин вернул её назад.

– Благодарю покорно, но лучше здоровым.

– Кому лучше? – поперхнулся Гай, – тебе... мне станет лучше от того, что это настоящее пришествие нематериального бытия в наше, материальное?! Тут поверить мало – тут доказательства нужны.

– Где же их взять?

– В карманах поищи! Нету у людей методов изучения поусторонних вещей! Но главное, нет смелости в них лезть. Тебе, видишь ли, только догадаться, кто это такая, уже стало страшно... Ученые, слава богу, поняли кое-что, когда сунули свой длинный нос в цепную ядерную реакцию деления, когда натворили дел с генной инженерией. Поняли и поджали хвост. Есть области, куда нельзя заходить с нашей дурацкой чертой всюду искать для себя пользу.

– Да какое мне дело до тех, кто что-то там понял! Я ничего не хочу понимать! А желаю знать, какая чертовщина меня ещё ждет!

– Темна вода во облацех... – изрек Гай таинственно, словно нащупывая истину. – Древние греки делили людей на живых, мертвых и на тех, кто в море. Но разумнее было бы на живых, мертвых – и нерожденных... Нерожденные мстят.

– Мстят?!

– Своим несостоявшимся родителям. Усложняют их обстоятельства жизни. Иногда делают их совсем невыносимыми. Скажи, почему ты все-таки не завел детей?

Кеншин поскреб мизинцем висок.

– Видимо, потому что рожденные дети так же усложняют эти самые обстоятельства.

– Тогда не удивляйся никакой чертовщине, – посмотрев на часы, Гай стал собираться. – Мне пора... вот что, ты не мог бы завтра в полдень быть на телефоне? – он рассовывал по карманам спички, сигареты, носовой платок.

– Ты уходишь?

– Извини, если не отдохну хотя бы часа четыре, завтра на службе чепухи наделаю. Значит, не забудь – в полдень на телефоне.

Кеншин не стал провожать его до дверей – не хотелось тревожить уснувшего на коленях Сима. Они попрощались, и Гай ушел.

Словно змея проползла по душе. «Вот же дурь полная! Но с другой стороны, а что ты хотел за свою благоглупость?»

Портрет ожил. Сколько копий уже было? Вероятно, это десятая или одиннадцатая, написанная с той самой, принесенной ветром, фотографии. Каждый раз Кеншин придавал взгляду различное выражение, которое спустя время исчезало и проступала прежняя надменная безжалостность в предвкушении мести. Сейчас, холодея внутри, он воочию наблюдал этот зловещий процесс. И хотя её глаза никогда не источали такой взгляд, это были определенно её глаза. Её и никого другого.

Лет шестнадцать или семнадцать назад они познакомились на открытии весеннего вернисажа. Эту девушку не интересовали полотна, она стояла с видом легкой подавленности, ибо она так же здесь никого не интересовала и, вероятно, чувствовала себя, как Наташа Ростова на балу. Кеншин топтался вполоборота к ней. Так получилось, что они одновременно повернулись друг к другу и встретились взглядами. Возможно, это была хорошо задуманная судьбой минута, по истечении которой он уже не мог не подойти к ней и не заговорить.

Позже они шли по галерее, он рассказывал о культурных и духовных ценностях, был в меру развязан и безмерно компетентен в вопросах творческой морали. Девушку звали Анастасия. Она жила в другом городе, а в этот приезжала на практику в местную ветеринарную клинику. На выставку попала по простым убеждениям: «чем я хуже других». И если б не заметил её Кеншин, определенно решила бы, что хуже.

После вернисажа они направились вниз по проспекту к набережной. И уже больше говорила она, напевно, иногда задумываясь над словами – о том, как страшно анатомировать кошек, что мечтает встретить хорошего человека обязательно в свете фонарей на мосту через Сену. Время от вре-

мени она останавливалась и, соединив ладони у подбородка, тянулась глазами к своему спутнику, даже поднималась на цыпочки. В тот день Кеншин понял, что не может с ней расстаться и, когда Настя отъезжала в своё общежитие, он поймал себя на том, что быстрым шагом идет вслед автобусу.

Завязавшийся роман поколебал его веру в правильность жизненного пути. Кабы предвидеть заранее... он бы точно пошел по другому, ведущему к зажиточности, роскоши, чтоб ко времени знакомства с Настей уже стать состоятельным господином. А впрочем, она не одобряла больших трат на себя. Чаще всего они посещали недорогие кафе, были завсегдатаями парка культуры и отдыха, ввечеру сияющего, как новогодняя елка. Они всегда держались за руки и размыкали их, когда прощались у парадной её дома. Кеншин не сразу уходил. Облюбовав неподалеку заглушенную сиренью скамейку, забирался на неё с ногами и садился сверху. Так он сидел долго, прислушиваясь к своему внутреннему состоянию. Было трудно его описать, во всяком случае, ничего общего с тем, что говорится в альковных романах, оно не имело. Что там: сердечные томление, трепет, нет, в нем творилось другое, как бы это... такой приятный, очень приятный жар. Слияние необычного покоя с такой же необычной пустотой и давало ту греющую изнутри температуру. Хотя, каждый, наверное, это чувствует по-своему.

И вот настал день, когда их отношения потребовали не только душевной близости.

– Пошли ко мне, – испытывая шершавость во рту, произнес Кеншин. – Прямо сейчас.

Прежде чем это сказать, он долго не знал, куда девать руки, и, в конце концов, нашел им самое подходящее для такого предложения место – на настиной талии.

– А в какой день знакомства это обычно происходит? – спросила она, глубже втираясь в его объятия.

– В тот самый счастливый, в который оба вдруг понимают, что нравственность им уже просто мешает.

– О-о-о! Самое время поговорить о нравственности, – Настя вывернулась из рук и взяла его под локоть. – Знаешь, главное правило женской нравственности? Держаться золотой середины. Будешь отказывать всем – прослывешь стервой, никому не будешь – прослывешь падшей женщиной. Так что, хочешь быть настоящей леди – пятерым мужчинам отказывай, шестому нет. Хотя, лучше шестерым отказывать. Или даже семерым.

И она, как колокольчик, залилась смехом. Она была просто прелесть.

– Какой же я по счету?

– Что за мужланские выходки, милый? Пожалуйста, не делай так больше. Всё у нас хорошо идет.

«Верно, идет, но куда-то в сторону, – подумал Кеншин, – и уж точно не в мою».

– Куда ты меня ведешь? – спросил он. – Ко мне на метро и до центра.

– Сперва в аптеку. Знаешь, девичьи дела.

А дальше всё происходило в его квартире. Точнее, всё уже произошло. С ладонями под затылком Кеншин лежал и смотрел вверх стола, на котором гладко блестела недопитая бутылка «Шабли», стояли вазон с розами и фарфоровый канделябр. Пахло погашенными свечами.

Червячком свернувшаяся под боком, Настя подобралась ближе и, быстро моргая, пощекотала длинными ресницами его под мышкой.

– Чего тебе? – он в ответ ласкательно почесал её за ухом.

– Поговорить надо.

– Ну.

– Завтра кончается практика. Я уеду ночным поездом – хочется ещё день побыть вместе.

– Это как это «уеду»? У тебя, кажется, каникулы на носу. Что, будешь целое лето с родителями... А как же я здесь без тебя?

– Ты вправду станешь без меня скучать? – тонко пискнув, Настя закрутилась и смотала на себя все одеяло. И Кеншин оказался голым. – Какой мужчина! – восхитилась она. – Напряги бицепс.

– Настюша, послушай, – он обнял её, – позвони домой и наври что-нибудь. Скучать... да мне без тебя крышка! И завтра же твои вещи перевезем ко мне.

– Перевозить-то нечего: сумка со шмотками да бикс с инструментами...

– Или знаешь, давай лучше уедем вместе. Снимем где-нибудь дачный домик хотя бы на неделю...

Настя выпуталась из одеяла, села ноги калачиком, её волосы упали и коснулись кровати, соблазненно заиграв улыбкой, она подперла пальчиком подбородок.

Домик подыскали в сотне километров от города, у озера, на песчаных берегах которого возвышались сосны. Кеншин и Настя вселились в северную половину, им в распоряжение достались две комнаты и кухня на веранде. А через стену, на южной, занимал свои апартаменты налоговый инспектор в отставке. У него был красивый, воспитанный лабрадор, что умел носить удочку своего хозяина, когда тот с ведерком и складным стульчиком отправлялся на рыбалку.

Они вставали с первыми лучами солнца, в тот момент можно было наблюдать такую картину: с крыльца на берег, взвизгивая, сбегала Настя и, ослепляя стройным телом, устремлялась к озеру, а следом взлохмаченный, ревмя ревуший появлялся Кеншин. Далеко вынося руки, он гнался за ней по воде, достигал и обмирающую от восторга окунал до самого дна. Потом они плыли сквозь пахнущий хвоею туман, и плыли, пока у Насти не кончались силы. Тогда она брала Кеншина за плечи и он, как заправский сухогруз, буксировал её обратно к берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.